

Н.И. Надеждин

"Марфа посадница Новгородская"

Трагедия в пяти действиях в стихах

Москва, в университ. типографии, 1830

Оригинал здесь -- <http://www.philolog.ru/filolog/writer/nadejdin.htm>
Надеждин Н.И. Литературная критика. Эстетика. - М., 1972.

По странному стечению обстоятельств, начало прошлого года ознаменовано было явлением "Бориса Годунова", а конец заключен "Марфой Посадницей Новгородской". Сии произведения, написанные гораздо ранее, явились на рубежах протекшего года, как будто нарочно для того, чтобы год сей, в летописях русской словесности, отметился эрой поэтического драматизирования народной истории, сообразно понятиям, требованиям и видам современного просвещения.

Никто не будет оспаривать, что "Борис Годунов" и "Марфа Посадница", по главной идее и общему намерению, принадлежат к одной категории. И там и здесь непочатые сокровища русской народной истории заключены фантазией в поэтические рамы, представлены в искусственной перспективе. Но "Борис Годунов" -- кроме яркого различия в наружном убранстве -- отличается от "Марфы Посадницы" тем, что не подчиняется в составе и ходе никаким частным ограничениям, никаким особым условиям; тогда как сия последняя называется определенно -- трагедией. Это имя, для оправдания коего употреблены всевозможные усилия, сообщает "Марфе Посаднице" особенную физиономию и -- подвергает ее особенной ответственности пред судилищем критики.

Что значит трагедия?

Название сие изобретено древними греками, кои связали с ним определенный смысл, благоговейно сохранившийся в течение тысячелетий. Представители классической древности, порабощенной служению внешней природы, они не умели иначе представлять себе жизнь, как движением вечных колес, понуждаемых непреложною необходимостью, неумолимым роком. Там, где сие движение сопровождалось спокойным повиновением верховному порядку без всякого прекословия человеческой личности, там сооружался фантазией их величественный *эпос*, картина жизни, безмятежно и безропотно подавляемой державною судьбою. Но где личность и свобода приобретали столько упорства, что могли восставать против неприязненной силы рока и бороться с его непреодолимым могуществом, там возникала для них *драма*, зрелище жизни мятущейся, непокорной вечному верховному порядку. Само собою разумеется, что для личности человеческой, не обеспеченной сознанием внутреннего своего достоинства, мятеж сей никогда не мог быть удачен. Победа оставалась всегда на стороне судьбы, пред которой все усилия человеческие разлетались вдребезги. Это должно было возбуждать два различных чувствования, смотря по различию обстоятельств, сопровождающих состязание и падение. Если воля человеческая представлялась своенравно упрямою или дерзко хвастливою, то ее неудачи, производимые собственными ошибками и промахами, возбуждали только смех и презрение: отсюда -- *комедия*. Но если, вооруженная твердостью и мужеством, она схватывалась бесстрашно с враждебным могуществом рока и, не отступая ни на пядь, сокрушалась, но не изнемогала под железною его дланью; то ее падение должно было производить ужас и соболезнование: отсюда -- *трагедия*. Таким образом, трагедия древних греков была не что иное, как представление отчаянного смертного борения жизни с судьбою. Она оканчивалась катастрофою, прискорбною для человечества: и посему эффекты ее были ужас и соболезнование.

Аристотель, первый законник искусства, со всей своей прозорливостью, не мог возвыситься далее ощущений, производимых изящными произведениями: и потому признал ужас и соболезнование основною сущностью трагедии. Так отжила она вечер классической древности, перешла в средние времена и достигла наконец до эпохи обновления. Никто не дерзал сомневаться в мудрости Стагирита, коего непогрешительность едва не освящена была в догмат веры. Трагедия должна была непременно возбуждать ужас и соболезнование. Но каким образом? Времена слишком переменились. Возрожденный христианскою религиею человек познал свое духовное достоинство и сверг с себя иго природы. Личность восторжествовала над роком: и жизнь стала созидать свободно сама себя. Какие ж средства оставались трагедии поддержать и оправдать название, присвоенное ей столетиями? Она старалась запутывать человека в борьбе с самим собою, с своим сердцем, с своими страстями, представляла его игрищем мечтаний и заблуждений, обременяла преступлениями и бедствиями: но -- возбуждала только